

УДК 1(091)

Мозговая Н. Г.
заведующий кафедрой философии
Института философского образования и науки
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова,
доктор философских наук, профессор

ПРАВОСЛАВНАЯ «МИСТИКА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА

Чтобы осмыслить такой сложный феномен в истории отечественной мысли, как ее духовно-академическая философия, необходимо обратиться к изучению истоков ее золотого века – века, на протяжении которого сформировалась и заявила о себе философская духовно-академическая традиция, возникшая в четырех центрах высшего духовного образования Российской империи XIX века: Санкт-Петербургской (1809 г.), Московской (1814 г.), Киевской (1819 г.) и Казанской (1842 г.) духовных академиях.

Речь пойдет о двух наиболее ярких представителях духовно-академической философской традиции – Ф. Голубинском (1797–1854 гг.) и П. Авсенева (1810–1852 гг.), являющихся воспитанниками двух древнейших центров отечественного духовного образования: Московской духовной академии (МДА) и Киевской духовной академии (КДА).

Как известно, эти академии были преемницами славных традиций отечественного просвещения XVII – XVIII веков – Московской славяно-греко-латинской академии и Киево-Могилянской академии. Известно также, что образовательные традиции этих древних академий в XVII – XVIII веках имели существенные отличия, на которые неоднократно указывал в своей фундаментальной работе «Пути русского богословия» Г. Флоровский [9, с. 37, 80–81, 98].

Киево-Могилянская академия больше тяготела к латинской схоластике, что было вполне закономерным явлением, поскольку Правобережная Украина до середины XVII века входила в состав Речи Посполитой. Профессор КДА Ф. Титов писал: «С самого начала Киево-Могилянская академия организовывалась по образцу

польских католических коллегий, и по своему внешнему устройству была представителем так называемого латинского образования, создавалась по образцу западноевропейских, в частности, иезуитских коллегий. Это факт несомненный и бесспорный, <...> но по своему внутреннему характеру она была создана для защиты православной веры от натиска польско-латинской культуры и всегда оставалась серьезным оплотом православия <...> в борьбе с католицизмом и полонизмом» [8, с. 44]. Московская славяно-греко-латинская академия во все времена своей сложной эволюции больше тяготела к византизму и святоотеческой традиции. Г. Флоровский указывал: «Во вторую половину XVII века ставится и решается вопрос о школе. И подымается спор: должна ли эта школа быть славяно-греческой или латинской. Этот вопрос сразу же осложнялся и обострялся соперничеством заезжих греков и киевских выходцев. В общем, конечно, киевляне были выше этих греческих скитальцев, слишком часто только искателей приключений и выгод. Но завести они могли и хотели школу латинскую, – и не только по языку, но и по духу» [9, с. 80].

Не будем углубляться в дискуссию о том, какая из академий была более или менее православной, подчеркнем лишь, что правильная расстановка ударений в этом вопросе является немаловажной задачей в изучении такого сложного духовного феномена в истории отечественной мысли XIX века, как ее духовно-академическая философия.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Ф. Голубинский и П. Авсенов были представителями отечественного духовен-

ства первой половины XIX века, а точнее – представителями Александровской эпохи, которая знаменовалась бурными государственными реформами во всех сферах общественной жизни, обусловленных началом царствования Александра I. Для представителей этой эпохи были характерными мистические увлечения, о которых Г. Флоровский писал: «Это было пробуждение сердца. <...> Но сразу же приходится продолжить: еще не пробуждение мысли. <...> И воображение еще не было обуздано, еще не было закалено в умном искусстве, в интеллектуальной аскезе. Потому так легко и так часто люди того поколения впадают в прелесть, в мечтательность или визионерство. То была эпоха мечтаний вообще, эпоха грез и вздохов, видений, провидений и привидений...» [9, с. 128]. Мистицизм того времени являлся неотъемлемой частью западноевропейского философского и художественного романтизма. Большую популярность приобрели в России того времени философские учения известных европейских мистиков, таких как Я. Беме, Э. Сведенборг, Ф. Якоби. Особой популярностью пользовался последний, поскольку он не просто подверг критике рационализм во имя веры и мистического чувства, а показал необходимость веры внутри самого рационального знания. В. Зеньковский писал: «Больше всего импонировал философам духовных академий Ф. Якоби с его критикой рационализма и принципиальным утверждением веры как особой формы опыта и «непосредственного» знания» [5, с. 346–347]. В философии Ф. Якоби религиозно-мистическое чувство романтиков стало уделом не избранных гениев, а абсолютной предпосылкой любого человеческого знания. Элементы мистицизма приписывались любому непосредственному знанию, поскольку реальность Абсолюта постигалась не в познании, а в бытии. В. Зеньковский утверждал: «По своей сущности учение Ф. Голубинского и его школы связано с его изначальным онтологизмом; здесь корни учения о непосредственном восприятии Божества» [5, с. 354].

Ф. Голубинский и П. Авсенева, несмотря на тринадцатилетнюю разницу в возрас-

те, принадлежали к одному поколению, поскольку, во-первых, были детьми Александровской эпохи, во-вторых, были выпускниками реорганизованных академий: Ф. Голубинский – магистр I курса МДА (1814–1818 гг.), а П. Авсенева – VI курса КДА (1829–1833 гг.).

В пореформенных академиях не было уже такого жесткого засилья схоластики, как в дореформенной духовной школе, а преподавание велось на русском, а не на латинском языке. После окончания академий Ф. Голубинский и П. Авсенева были оставлены в академиях в качестве бакалавров философии и далее всю свою жизнь посвятили преподавательской деятельности. Ф. Голубинский стал первым профессором философии МДА, основателем русского религиозного онтологизма, а П. Авсенева – одним из основателей психологической науки в России.

Как Ф. Голубинский, так и П. Авсенева никогда не стремились излагать свои мысли на бумаге, усматривая в живом и непосредственном общении со своими воспитанниками подлинное призвание философа. П. Авсенева не разрешал студентам вести запись своих лекций, считая, что в философском творчестве важны не утверждения, а рассуждения. В силу этих причин никаких опубликованных трудов после себя эти философы не оставили. Лекции как Ф. Голубинского, так и П. Авсенева были напечатаны лишь во второй половине XIX века, то есть уже после смерти профессоров и по записям их учеников.

Оба они были рукоположены: Ф. Голубинский в 31 год, а П. Авсенева – в 34 года, то есть они были не только философами, но еще и духовными пастырями. Им была свойственна глубокая преданность православным догматам, удивительная гармония веры и знания.

В творчестве Ф. Голубинского и П. Авсенева удивительным образом сочетались элементы как православной «мистики», так и европейской рационалистической философии. В силу последнего аргумента мы, собственно, и обратились к их творчеству, попытались сравнить некоторые черты их философских воззрений, хотя за

рамками нашего скромного исследования остались не менее значительные представители философской духовно-академической традиции XIX века, такие как В. Кутневич и В. Кудрявцев-Платонов (МДА), Ор. Новицкий и С. Гогоцкий, а также П. Юркевич (КДА).

Безусловно, мистические увлечения эпохи оказали большое влияние на мировоззрение Ф. Голубинского и П. Авсенева. В частности, в лекциях Ф. Голубинского в одном ряду с именами таких выдающихся представителей европейской рационалистической философии, как Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, присутствуют имена таких мистиков, как П. Пуаре, Х. Клодиус, поздний Ф. Шеллинг, Г. Шуберт, Ф. Якоби. Известно, что Ф. Голубинский пережил в молодости сильное увлечение философией Ф. Шеллинга, однако в зрелые годы стал к нему относиться весьма критично. Ф. Голубинский в «Лекциях по умозрительному Богословию» писал: «У Ф. Шеллинга понятия о Боге неверные, ибо Бог смешивается с силою физической, сливается с самой природой» [4, с. 93].

Аналогичная ситуация прослеживается и в творческой судьбе П. Авсенева. Наряду с представителями немецкой классической философии П. Авсенов увлекался творчеством таких шеллингианцев-мистиков, как К. Карус, М. Бурдах, Г. Шуберт. В частности, его курс психологии был составлен по аналогии с работой Г. Шуберта «История души». Как известно, Г. Шуберт принадлежал к мистической школе психологов XIX века, однако его нельзя ставить в один ряд с Я. Беме. Немецкий ученый в своих философских исследованиях основывался прежде всего на фактах естественных наук. Он основательно знал астрономию, физиологию, анатомию и подобное, а его психологическое, точнее антропологическое, учение выходило далеко за рамки собственно психологии.

С годами П. Авсенов охладел к изучению немецкого идеализма и в письме своему другу писал: «Пятнадцать лет посвятил я изучению немецкой философии: потерял я зрение, перечитывая тексты немцев. Те-

перь, когда Господь привел меня к изучению Его Откровения, <...> вижу, что все, чем я восхищался в сфере философской мысли, все это давно было сказано в божественных писаниях пророков и апостолов, и воспроизведено в трудах Отцов...» [1, с. 370]. Аналогичные мысли находим и у Ф. Голубинского. В письме к А. Тургеневу (брату декабриста) он пишет, что «после скитания по системам философским, после кружения в волшебных воздушных замках Пантеизма» хорошо вернуться к людям, в которых «с глубокою мудростью соединена жизнь, сокровенная со Христом в Боге» [7, с. 91].

Следует подчеркнуть, что оба философа отличались чрезвычайно повышенным интересом к мистической литературе, к сфере всего иррационального, к явлениям сомнамбулизма, лунатизма, ясновидения и прочего. Именно поэтому за ними надолго сохранилась слава странных и загадочных мыслителей. Современники часто сравнивали философские воззрения Ф. Голубинского и П. Авсенева. В некрологе, посвященном памяти П. Авсенева, можно найти следующие строки: «Его имя (П. Авсенева – Н. М.) долгое время во всех учебных округах Духовного ведомства, после имени Ф. Голубинского, было синонимом философа» [2, с. 102].

Даже сверхкритический по отношению к духовно-академической философии Г. Шпет с несвойственной ему теплотой писал о П. Авсеневе: «Мыслитель ума живого, может быть, даже экзальтированного, но неподдельно религиозного чувства и искренних убеждений, не боялся, очевидно, того, что казалось страшным официальному надзору за верою. П. Авсенева тянуло к себе «сверхъестественное». <...> В наше время мы хорошо уже знаем, что подобного рода психологические экскурсы, сбивающие с толку недоучек, проливают иногда мягкий и теплый свет для людей подлинно религиозного вдохновения на их собственное сознание, а для науки могут служить источником поразительных открытий и разоблачений тайн человеческой души» [10, с. 414].

Таким образом, если внешне П. Авсенов следовал традиционно-православной

установке, то увлечения исследованиями иррациональных состояний души придавало рассуждениям богослова достаточно серьезный оттенок мистицизма, чтобы исключить возможность использования его идей для решения общих задач духовно-академической философии XIX века – рационального обоснования религиозного сознания.

Вообще понятие «мистика» ассоциируется, как правило, с чем-то непонятным, магическим, таинственным и сверхъестественным. В богословском же понимании «мистика» – это религиозная практика, цель которой заключается в переживании непосредственного единения с Богом. Поэтому мистическое богопознание – это богопознание не с помощью умозрения, а с помощью аскетической, церковно-молитвенной жизни. В этом смысле православие рассматривает мистику как вершину богословия. В. Лосский писал: «Богословие и мистика отнюдь не противоплагаются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга. Первое не возможно без второй: если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым. <...> С другой стороны, учение Церкви не имело бы никакого воздействия на душу человека, если бы оно как-то не выражало внутреннего опыта Истины, данного в различной «мере» каждому верующему. Итак, нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики» [6, с. 98].

Вообще одним из главных проводников мистицизма в духовных школах России начала XIX века был И. Фесслер (1756–1839 гг.), приглашенный из Берлина в Санкт-Петербургскую духовную академию М. Сперанским с целью преподавать студентам академии древнееврейский язык и экзегетику. Кстати, рекомендовал эту кандидатуру М. Сперанскому П. Лодий, который ранее слушал И. Фесслера во Львове. Через некоторое время также выяснилось, что И. Фесслер, кроме блестящего знания древнееврейского языка, является еще и прекрасным знатоком философии.

И. Фесслер родился в благочестивой католической семье на территории нынешней Венгрии. Назван был в честь И. Лойолы – основателя ордена иезуитов. Получил основательное религиозное образование и вскоре возглавил кафедру в Львовском университете, где его лекции с восхищением слушал П. Лодий. В 1784 г. И. Фесслера, на правах ученика, принимают в масонскую ложу под названием «Феникс к Круглому столу» и вскоре он становится известным реформатором немецкого масонства. Широкую известность И. Фесслеру принесла его речь «Масонские ложи, какими они есть и какими должны стать», в которой ученый выдвинул идею создания идеального общества, а также идею нравственного совершенствования и сосредоточения на самопознании представителей масонских лож.

Философские воззрения И. Фесслера были эклектичными. С 1792 г. он становится неизменным последователем философии И. Канта, даже ведет переписку с последним, но вскоре личное знакомство с И. Гердером и И. Фихте приводит к отходу от кантианства и появлению нового увлечения романтизмом. Вместе с тем из всех своих современников И. Фесслер больше всего почитал И. Фихте и Ф. Шеллинга, которых считал «истинными мистиками». Г. Флоровский же отмечал: «И. Фесслер <...> был вольнодумцем, не мистиком. Он примыкал к идеям Г. Лессинга и И. Фихте, задачу истинного масона полагал в созидании новой гражданственности, в перевоспитании граждан для наступающего века Астреи» [9, с. 140].

В январе 1810 г. И. Фесслер прибыл в Санкт-Петербург и пробыл в Санкт-Петербургской духовной академии всего пять месяцев, после чего был отстранен от преподавания. За это короткое время ежду И. Фесслером, архиепископом Феофилактом (Русановым) и будущим Филаретом Московским (Дроздовым), который в то время был инспектором академии, произошли серьезные идейные столкновения. И. Фесслера заставляют выехать из Санкт-Петербурга в Поволжье, а вскоре и Феофилакт покинул город на Неве. Замещен же

И. Фесслер был знающими и опытным профессором богословия с Дерпского университета Э. Горном, который пробыл в Санкт-Петербургскую духовную академию еще четыре года и сумел поддержать в академии то философское настроение, которое было посеяно И. Фесслером.

Несмотря на опалу, И. Фесслер сумел приобщить к современной ему немецкой философии почти всех студентов I курса Санкт-Петербургской духовной академии. Кстати, среди его слушателей был В. Кутневич – первый профессор философии в МДА и, следовательно, учитель Ф. Голубинского. Именно В. Кутневич в 1818 г. оставил Ф. Голубинского на кафедре в академии в качестве бакалавра философии, а в 1827 г. сестра В. Кутневича Анна стала супругой Ф. Голубинского.

Следует также подчеркнуть, что непосредственное влияние И. Фесслера имел не только на студентов МДА (через В. Кутневича, а позже и Ф. Голубинского), но и на студентов КДА. Среди слушателей И. Фесслера были будущий первый ректор КДА М. Богданов-Платонов и архимандрит М. Леонтович, а также первый будущий профессор философии И. Скворцов. Он был магистром II курса Санкт-Петербургской духовной академии, а также учеником ближайшего последователя И. Фесслера – Э. Горна. В 1817 г. они прибыли в Киев для реорганизации Киево-Могилянской академии в Киевскую духовную академию. Таким образом, П. Авсенева был учеником И. Скворцова, на которого И. Фесслер через Э. Горна имел непосредственное влияние.

Однако И. Фесслер оставил свой след не только в высшей духовной школе начала XIX века, но и в высших правительственных кругах России того времени. Вскоре в масонскую ложу И. Фесслера вошли такие видные деятели просвещения и культуры начала XIX века, как П. Лодий, М. Сперанский, С. Уваров, А. Тургенев. Имя Ф. Голубинского также наличествует во всех списках знаменитых русских масонов [3, с. 9–10]. И это вполне закономерно, поскольку в эпоху Александра I масонство было чрезвычайно распространено, в него входили высшие правительственные круги России. В те времена

масонство было одним из средств приобщения к высшим духовным знаниям. И если в западноевропейских католических странах масоны были враждебно настроены по отношению к господствующей церкви, то в православной России они не усматривали никакого противоречия между официальной церковью и участием в деятельности масонских лож. Более того, с их точки зрения, масонство способствует более глубокому раскрытию внутренней духовной сущности православия. Конечной целью масонов было изменение и преобразование общества, однако пути этого преобразования понимались по-разному. Одни из них считали, что необходимо изменить социальные условия жизни людей, другие усматривали путь к преобразованию общества во внутреннем самосовершенствовании и самоочищении человека. К последним и принадлежал Ф. Голубинский. Давая оценку восстанию декабристов, он записал в своем дневнике: «Сам человек не может самого себя привести в гармонию и порядок, а хочет поправить других; сам не освободился от страстей, а хочет вне себя устроить порядок» [7, с. 90].

Вышеизложенное дает нам основание утверждать, что философская духовно-академическая традиция XIX века представляла собой сложный и неоднозначный феномен духовной жизни российского общества, который требует своего дальнейшего кропотливого исследования.

Литература

1. Авсенева Ф. Авсенева Феодан, архим. в письмах своих к одесскому прот. С.А. Серафимову / Ф. Авсенева // Труды КДА. – К. : В университетской типографии, 1905. – Кн. 11. – С. 368–412.
2. Авсенева Феодан, архим. (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1853. – Ч. LXXII. – С. 94–107.
3. Бродский А.И. В поисках Бесконечного. Жизнь и философия Федора Голубинского / А.И. Бродский // Лекции по философии и умозрительной психологии / Ф.А. Голубинский. – СПб. : Тропа Троянова, 2006. – С. 5–28.
4. Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии / Ф.А. Голубинский. – СПб. : Тропа Троянова, 2006. – 464 с.
5. Зеньковский В. История русской философии : в 2 т. / В. Зеньковский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – Т. 1. – 1999. – 542 с.
6. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский // Мистическое богословие. – К. : Издание христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – С. 95–335.

7. Сизенцева Л.И. Федор Голубинский, ученый и мудрец / Л.И. Сизенцева // Жизнь замечательных костромичей XIII – XIX вв.: краеведческие очерки. – Кострома, 2003. – С. 86–93.

8. Титов Ф. К вопросу о значении Киевской Академии для православия и русской народности в XVII – XVIII вв. / Ф. Титов // Чтения в Церковно-историческом и археологическом обществе при КДА. – К. : В университетской типографии, 1905. – Вып. 6. – С. 27–100.

9. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский (прот.). – К. : Издание христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 600 с.

10. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Очерки истории русской философии / [А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет] ; сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. – С. 217–578.

Аннотация

Мозгова Н. Г. Православная «мистика» в отечественной духовно-академической философии XIX века. – Статья.

Статья посвящена рассмотрению такого сложного духовного феномена в истории отечественной философии, как ее духовно-академическая философия, которая была представлена в XIX веке научной и педагогической деятельностью профессоров философии четырех академий Российской империи: Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской. На примере Киевской и Московской академий автор анализирует уникальные черты этой философии, которые проявились в стремлении ее представителей (П. Авсенева и Ф. Голубинского) соединить мистическую и схоластическую духовные традиции.

Ключевые слова: православная мистика, европейская рациональная философия, романтизм, масонство.

Анотація

Мозгова Н. Г. Православна «містика» у вітчизняній духовно-академічній філософії XIX століття. – Стаття.

Статтю присвячено розгляду такого складного духовного феномена в історії вітчизняної філософії, як її духовно-академічна філософія, яка була представлена в XIX столітті науковою й педагогічною діяльністю професорів філософії чотирьох академій Російської імперії: Санкт-Петербурзької, Московської, Київської та Казанської. На прикладі Київської та Московської академій автор аналізує унікальні риси цієї філософії, які проявилися в прагненні її представників (П. Авсенєва та Ф. Голубинського) з'єднати містичну й схоластичну духовні традиції.

Ключові слова: православна містика, європейська раціональна філософія, романтизм, масонство.

Summary

Mozhova N. H. Orthodox “mystique” in the native spiritual and academic philosophy of XIX century. – Article.

The article considers such a complex spiritual phenomenon in the history of national philosophy as its spiritual and academic philosophy, which was presented in XIX century in scientific and teaching activity of philosophy professors of four academies of the Russian Empire: St. Petersburg, Moscow, Kyiv and Kazan. Through the example of Kyiv and Moscow Academies, the author analyzes the unique features of this philosophy, which appeared in the pursuit of its representatives (P. Avseiev and F. Holubynskyi) to connect the mystical and scholastic spiritual traditions.

Key words: orthodox mystics, European rational philosophy, romanticism, freemasonry.